

НОВЫЕ КНИГИ

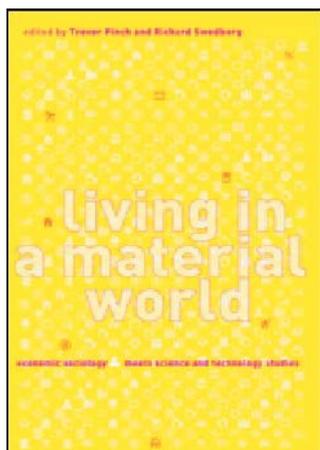
Обзор книжных новинок: западная экономическая социология — 2008

Обзор подготовлен З. В. Котельниковой

Мы предлагаем читателям обзор книжных новинок по экономической социологии, в котором публикуем краткие аннотации к зарубежным книгам, вышедшим в 2008 г. Все аннотируемые работы сгруппированы следующим образом:

- методология экономической социологии;
- неформальная экономика;
- культура и хозяйство;
- деньги и финансовые рынки;
- социология рынков;
- международные связи и глобализация;
- государство и хозяйство.

Методология экономической социологии

Pinch T., Swedberg R. (eds.). 2008. *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies (Inside Technology)*. Cambridge, MA: The MIT Press.

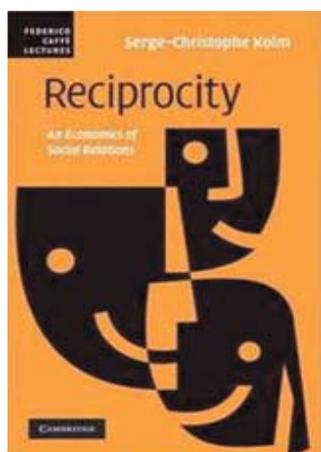
Социологи и другие представители социальных наук в целом согласны с тем, что технология играет важную роль в хозяйстве, но они также признают трудности, с которыми приходится сталкиваться в поисках понимания, в чём именно эта роль заключается и как её можно концептуализировать. Экономисты же традиционно рассматривают технологию в качестве экзогенного фактора и «чёрного ящика».

В данном сборнике, используя наработки так называемого STS-подхода (Science and Technology Studies), а также подходы экономической социологии, предпринимается попытка переосмыслить пересечение науки и технологии: предлагается взять *материальность* — идею, согласно которой в социальное существование вовлечены не только акторы, социальные отношения, но и материальные объекты — в качестве теоретической позиции для их сближения.

В книге рассматриваются как общие вопросы (например, индивидуальные агенты в сетевом хозяйстве и материальность домохозяйства в экономической истории), так и конкретные финансовые технологии

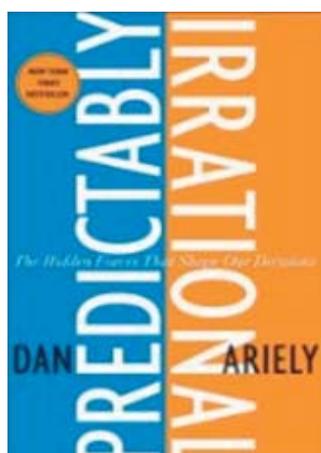
(тикер — биржевой аппарат, передающий котировки ценных бумаг; торговый зал; телефон). Кроме того, здесь представлены исследования различных форм инфраструктуры — бухгалтерия, глобальные конфигурации торговли и информационных технологий, патентное законодательство. Завершают сборник работы, изучающие влияние Интернета и информационных технологий на потребление (электронная торговля), репутационную экономику (распространение описаний продуктов онлайн) и организационные устройства (аутсорсинг IT-систем).

Среди авторов сборника: Элизабет Берман (Elizabeth Popp Berman), Дэниел Бойнца (Daniel Beunza), Мишель Каллон (Michel Callon), Карин Кнорр-Цетина (Karin Knorr-Cetina), Шэй Дэвид (Shay David), Томас Гиерин (Thomas F. Gieryn), Барбара Гримпе (Barbara Grimpe), Дэвид Хатерли (David Hatherly), Дэвид Леунг (David Leung), Кристиан Ликопп (Christian Licoppe), Дональд Маккензи (Donald MacKenzie), Филип Миrowsкий (Philip Mirowski), Фабиан Муньеса (Fabian Muniesa), Эдвард Ник-Ха (Edward Niek-Khah), Тревор Пинч (Trevor Pinch), Алекс Преда (Alex Preda), Николас Роланд (Nicholas J. Rowland), Дэвид Старк (David Stark), Ричард Сведберг (Richard Swedberg).

Kolm S.-Ch. 2008. Reciprocity: *An Economics of Social Relations (Federico Caffè Lectures)*. Cambridge: Cambridge University Press.

Реципрокность — важная часть фундамента социальных отношений. Она является основой для функционирования мирного и свободного общества, в котором существует уважение к людям и их правам. Будучи сердцевиной семейной и общинной организации, реципрокность также способствует работе рынков и организаций, предохраняя их от всевозможных провалов. Кроме прочего, на реципрокности базируется политика в целом и социальная политика в частности. И хотя важность реципрокности широко признана в социальных науках, приверженцы экономического анализа продолжают её игнорировать. Вот уже тридцать лет теоретик-экономист и моральный философ Серж-Кристоф Колям находится на передовой линии экономических исследований глубинных аспектов обществ. В книге предлагается уникальный анализ человеческих мотивов, поведения и реципрокных отношений; даётся объяснение функционирования общества и его хозяйства, а также рассматриваются способы его улучшения. Данная книга предназначена для экономистов, социологов, философов и всех интересующихся экономикой социальных отношений и её далеко идущими последствиями.

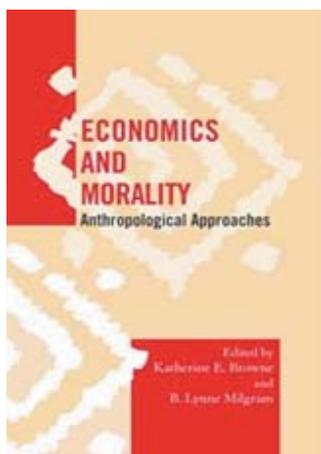
Ariely D. 2008. *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. New York: HarperCollins.

Свою книгу автор начинает с фундаментального наблюдения: большинство людей не знают, чего они хотят, до тех пор пока не будет определён контекст. Мы на самом деле не знаем, какой гоночный велосипед мы хотим — пока мы не увидим модель, на которой разезжает чемпион «Тур де Франс». Мы не знаем, какая акустическая система нам нравится, пока не услышим её звучание в сравнении с остальными. Мы не знаем даже, что нам делать с нашими жизнями — пока не увидим родственника или друга, который делает то, что как нам кажется, должны были делать и мы.

Иррациональное поведение — это неотъемлемая часть человеческой природы. И как обнаружил профессор Ариели, делая обзор исследований в поведенческой экономике за 20 лет, иррациональное поведение людей чаще всего оказывается предсказуемым. С опорой на психологию и экономическую теорию поведенческая экономика может пролить свет на то, к примеру, почему пациенты думают, что им становится легче, когда они принимают более дорогие лекарства; почему людям легче взять без спроса офисные принадлежности или стащить что-то из общих продуктов, чем украсть деньги из чужого кармана.

Ариели утверждает, что экономическая теория, которая основывается на предпосылке о рациональном субъекте, на самом деле должна базироваться на систематической, привычной иррациональности людей.

По мнению автора, включение в анализ ранее игнорируемых или неверно истолкованных сил (эмоций, относительности и социальных норм), которые влияют на экономическое поведение, даёт нам возможность переосмыслить мотивацию людей и их потребительский выбор, а также скорректировать экономическую и образовательную политику.

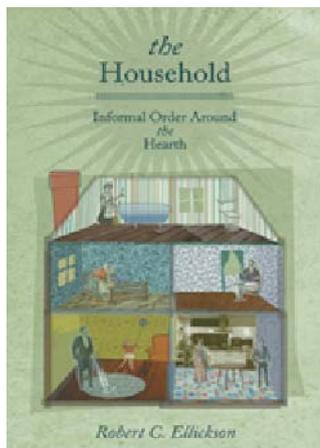
Browne K. E., Milgram B. L. (eds.) 2008. *Economics and Morality: Anthropological Approaches*. Lanham; New York; Toronto; Plymouth, UK: AltaMira Press.

В сборнике собраны результаты эмпирических исследований обществ разного типа. Их главный фокус состоит в изучении разных моделей капитализма, включая государства с экономикой благосостояния, исламские государства и неолиберальные западные государства.

Работы, вошедшие в сборник, сконцентрированы на трёх проблемах.

1. Как уживаются моральные ограничения и быстро меняющиеся локальные хозяйственные практики?
2. Как коренные движения и моральные притязания, порождённые в той или иной местности, видоизменяются в контексте капитализма?
3. Какие движения внутри корпоративных и государственных институтов пытаются вызвать доверие к себе и сформировать свою репутацию путём государственной поддержки моральных экономических практик?

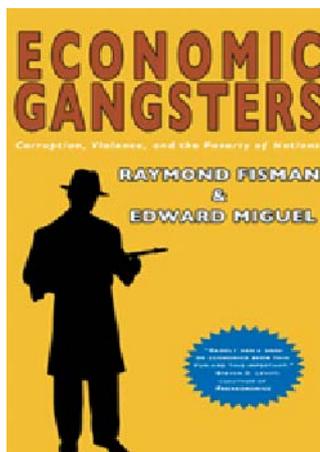
Неформальная экономика

Ellickson R. 2008. *The Household: Informal Order around the Hearth*. Princeton: Princeton University Press.

В этой книге автор исследует, как люди создают и управляют своими домашними микрокосмосами, где они могут уединиться от сумятицы большого мира. По мнению Роберта Элликсона, домохозяйство необходимо отделить от таких понятий, как брак и семья, с которыми оно тесно связано. Домохозяйство — это совокупность институциональных механизмов (institutional arrangements), формальных и неформальных, которые формируют и регламентируют отношения между собственниками и обитателями отдельного жилого пространства. Таким образом, исследование домохозяйства — это изучение распределения прав (allocation of entitlements) в некоем конкретном физическом пространстве. Члены домохозяйства (включая собственников и его обитателей) сообща управляют своим жилищным предприятием (real estate enterprise), которое позволяет им использовать ресурсы земли, капитала и труда для обеспечения крова над головой, пропитания и получения услуг. Посредством повторяющихся взаимодействий члены личного домохозяйства обычно воспроизводят множество норм, управляющих их поведением, включая обязательства обеспечивать домохозяйство ресурсами, а также права на услуги и продукцию, производимые в ходе ведения домашнего хозяйства.

Элликсон обозначает ряд фундаментальных вопросов, которые, по его мнению, требуют решения. Почему обитатели (а также собственники) домохозяйства так часто связаны между собой узами родства? Почему среднее количество жителей на одно домохозяйство со временем сокращается, особенно это характерно для XX в.? Более фундаментальный вопрос (со ссылкой на работы Рональда Коуза): почему не все взрослые живут отдельно? или наоборот: почему все не живут в одном огромном домохозяйстве? Как члены домохозяйства формируют домашний образ жизни и воспроизводят правила, которые управляют их взаимоотношениями? И какого рода правила, вероятнее всего, они будут поддерживать?

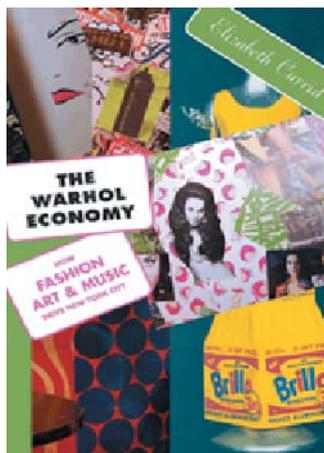
Fisman R., Miguel E. 2008. *Economic Gangsters: Corruption, Violence and the Poverty of Nations*. Princeton: Princeton University Press.

Последние 40 лет мы являемся свидетелями одного экономического чуда в человеческой истории. В 1963 г. среднестатистический житель Южной Кореи или Кении зарабатывал всего лишь несколько сотен долларов США в год. А сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что Южная Корея, Малайзия, Тайланд и Китай начали приближаться к уровню благосостояния Европы и Северной Америки, а Бангладеш, Пакистан, Центральная Америка и большинство африканских стран, расположенных южнее Сахары, по-прежнему вязнут в болоте нищеты. Как это случилось?

Из этой истории можно извлечь много уроков. Приобретённая кенийцами независимость — плод их усердного труда — была принесена в жертву коррупции и насилию, которые оказались ключевыми для современной экономики Кении, почти неотделимыми от неё. При этом история Кении далеко не уникальна: это касается и постколониальных разорений в Индонезии, и кровавых гражданских войн Центральной Америки и Африки.

Цель этой книги — понять, какое разрушающее воздействие оказали экономические гангстеры на мировое развитие. (Чтобы оценить эту проблему, представьте, какой будет жизнь, если мэром Чикаго, или ещё пуще — Президентом, станет некий крёстный отец. К сожалению, многим людям в развивающемся мире не надо напрягать своё воображение, чтобы понять, что это значит, когда у руля стоят жестокие бандиты.)

Культура и хозяйство

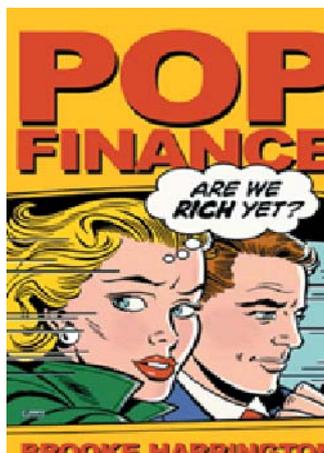
Currid E. 2008 *The Warhol Economy: How Fashion, Art, and Music Drive New York City*. Princeton: Princeton University Press.

Эта не просто книга о том, насколько важны и увлекательны мода, изобразительное искусство и музыка. В ней рассказывается, почему мода, искусство, музыка настолько значимы для Нью-Йорка. Хотя успех отдельных музыкантов и дизайнеров, как правило, является делом случая, можно всё же обнаружить некую закономерность: доминирующие на мировом рынке творческие силы, как правило, родом из Нью-Йорка. Почему так происходит?

Данная книга посвящена Нью-Йорку и творческим людям, которые там живут, — людям, которые, кажется, принадлежат к разным мирам, но которых сближают их творческие устремления, сходные социальные паттерны, а также общая потребность жить в Нью-Йорке. Их истории рассказывают нам об истинной природе искусства и культуры, а также о пространстве, которое населяют производители культуры и внутри которого циркулируют креативность и идеи. Это история о том, как Нью-Йорк порождает творчество и, что более важно, как творчество создаёт Нью-Йорк.

Культурная персона поп-арта Энди Уорхол лучше, чем кто-либо, служит примером этой тенденции. Он не только уловил, но также сумел выразить коллективную природу творчества: мода, живопись, кино, музыка и дизайн принадлежат не к разным сферам, а находятся в постоянной взаимосвязи. В своих работах Уорхол превратил товарные отходы и использованные вещи — будь то банки из под супа или долларовые счета — в искусство. Но он также взял на вооружение и другую ключевую идею: искусство и культура в свою очередь могут быть переведены в товарную форму — то, что он называл «бизнес-искусством» и что является центральной догмой современного творческого производства.

Деньги и финансовые рынки

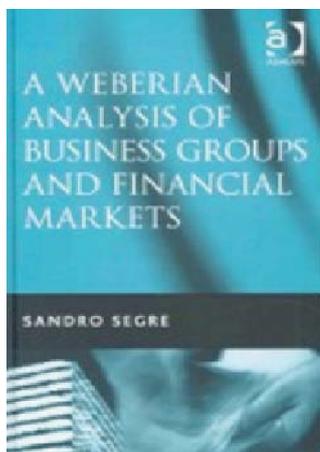
Harrington B. 2008. *Pop Finance: Investment Clubs and the New Investor Populism*. Princeton: Princeton University Press.

Хотя инвестиционные клубы существуют в США уже более ста лет (впервые американские инвестиционные клубы возникли в Техасе в 1898 г.), до 1990-х годов они не были особо распространёнными, а затем оказались основным движущим механизмом «популярных финансов».

Изначально автор задумывал провести простое исследование социальных оснований поведения инвесторов, но в итоге ему удалось сделать настоящий фотоснимок исторической и социальной трансформации: как миллионы людей оказались в плену у того, что председатель Федерального резервного банка Алан Гринспен (Alan Greenspan) назвал «иррациональным богатством».

Один из интригующих выводов, который удалось сделать автору, заключается в том, что гендерные различия в поведении инвесторов способны породить «преимущества разнообразия» (diversity premium) — разнородные в гендерном отношении группы (состоящие из мужчин и женщин) оказываются более преуспевающими в денежном отношении, чем однородные группы, состоящие только из мужчин или только из женщин.

В дополнение Харрингтон показывает, что американцы рассматривают инвестирование не только как способ получения прибыли, но и как возможность заявить о себе (to make a statement). В итоге пакеты акций стали сродни потребительским товарам, служащим одновременно утилитарным и социальным целям. Данный факт увязывает рост социально ответственного инвестирования с активизмом акционеров, понимание которого имеет значение не только для обществоведов, но также для корпоративных лидеров, государственных деятелей и миллионов американцев, планирующих свою жизнь после выхода на пенсию.

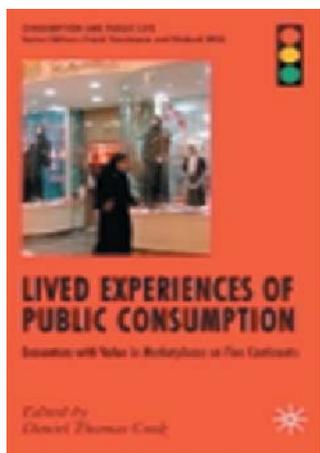

Segre S. 2008. *A Weberian Analysis of Business Groups and Financial Markets*. Surrey: Ashgate Publishing.

Начиная с 1980-х годов моральная экономика как совокупность правил, которые регулирует рыночные трансакции, является объектом многочисленных исследований и дискуссий. Классики социологии — М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Тённис — тоже не оставляли её без внимания. Однако Вебер в отличие от остальных фокусировался на правилах морального порядка, регулирующего работу финансовых рынков.

Данная книга призвана продемонстрировать веберовский подход к финансовым рынкам, предполагающий две модели деловых отношений: олигополию и модель свободной конкуренции. Превалирование одной модели над другой объясняет состояние конкурентоспособности на мировом рынке. Кроме прочего, автор рассматривает поведение акторов на финансовых рынках, делая обзор работ Вебера о лондонской и берлинской фондовых биржах, а также обзор исследований современных финансовых рынков.

Социология рынков

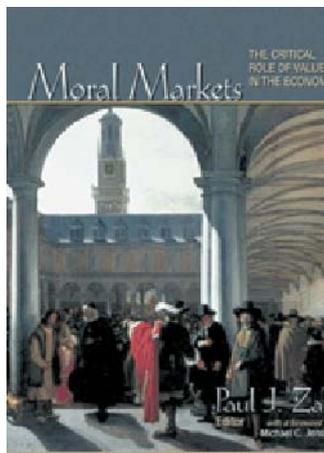

Cook D. Th. (ed.). 2008. *Lived Experiences of Public Consumption: Encounters with Value in Marketplaces on Five Continents*. Houndmills, Basingstoke Hampshire (UK): Palgrave MacMillian.

В качестве отправных пунктов для своих работ авторы этого сборника выбрали вопросы опыта, практик и материальности (embodiment) акторов и их поведения в общественных торговых местах. Все работы представляют результаты этнографических исследований, выполненных в местах организации рыночной торговли (marketplace) — в книжном магазине в Сиднее, в молле в Дубае, на ярмарке в Филадельфии и на блошинном рынке в Сантьяго (Чили).

Авторы данного сборника отвергают идею дихотомичности рынка и культуры. Вместо этого они принимают предпосылку, согласно которой рыночные

места материальны и социальны, то есть публичные обмены пространственно расположены. Кроме прочего, авторы полагают, что не существует некоего универсального рынка, рыночного поведения и мотивации, ибо они во многом определяются локальной спецификой.

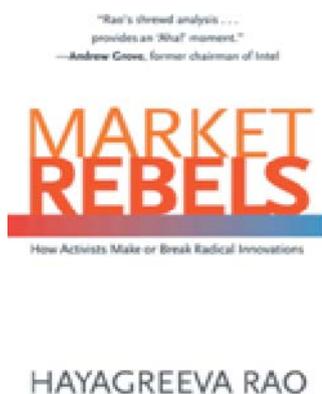

Zak P. J. (ed.). 2008. *Moral Markets: The Critical Role of Values in the Economy*. Princeton: Princeton University Press.

Современная экономическая жизнь приводится в движение беспощадной конкуренцией и необузданным эгоизмом. Так ли это? Авторы сборника «Моральные рынки», опираясь на результаты нейронаук, социальных наук, биологии, права и философии, утверждают, что современный рыночный обмен работает только потому, что большинство людей значительную часть своего времени действуют согласно моральным нормам. Определённо конкуренция и жадность являются частью экономической системы, но в книге показывается, что правила рыночного обмена со временем эволюционируют в сторону поддержки морального поведения, и что сам по себе обмен способен сделать нас более эффективными. Работы, вошедшие в сборник, фокусируются на изучении биологических оснований хозяйственной этики, связи между мора-

лью и рынками. В книге представлен принципиально новый взгляд на экономическую теорию, который по-новому устанавливает связь между ней и утверждением Адама Смита о том, что мораль имеет биологические основания.

В сборник «Моральные рынки» вошли работы: нейрoэкономиста Пола Зака (Paul Zak), экономистов Роберта Франка (Robert H. Frank), Герберта Джиниса (Herbert Gintis), Вернона Смита (Vernon Smith) (нобелевского лауреата по экономике 2002 г.), Барта Уилсона (Bart Wilson); философов Уильяма Кейсбиера (William Casebeer), Роберта Соломона (Robert Solomon); приматологов Сары Броснан (Sarah Brosnan), Франса Деваля (Frans de Waal), правоведов — профессора права Оливера Гудинафа (Oliver Goodenough), Эрина О'Хара (Erin O'Hara) и Линна Стаута (Lynn Stout); антропологов Роберта Бойда (Robert Boyd), Майкла Лэчмана (Michael Lachmann); политологов Элионор Остром (Elinor Ostrom), Дэвида Шваба (David Schwab); профессора менеджмента Ракеша Хурана (Rakesh Khurana), доктора компьютерных наук и информатики Эрика Кимбрафа (Erik Kimbrough) и писателя деловой литературы Чарльза Хэнди (Charles Handy).

Rao H. 2008. *Market Rebels: How Activists Make or Break Radical Innovations*. Princeton: Princeton University Press.

Что общего между революцией в области персональных компьютеров и рыночным провалом слуховых имплантантов? В обоих случаях мы сталкиваемся с революционными бизнес-инновациями в виде новых технологий, подрывающих существующие интересы, нормы и ценности. Они нарушают привычное технологическое движение и предлагают потребителям продукты принципиально нового уровня качества. Наиболее важные революционные инновации трансформируют социальные практики и социальные отношения, а следовательно, ставят под сомнение установленные нормы и их исходные предпосылки.

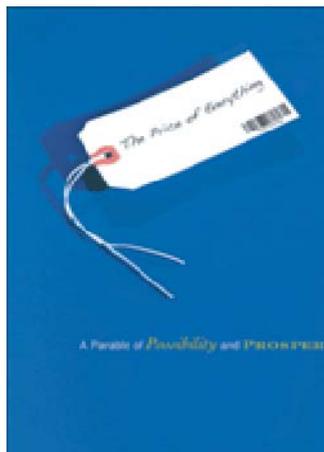
В обоих из указанных выше примеров именно рыночные революционеры, то есть активисты, нарушающие принятое статус-кво, сыграли важную роль. В первом случае это были

люди, увлечённые своим делом, выступающие против централизованной компьютерной системы, а во втором — защитники прав глухих людей, отстаивающие право на самоопределение.

Гибридная машина фирмы Toyota получила широкое распространение частично благодаря рыночным повстанцам, возглавляющим движение защитников окружающей среды, которые побудили потребителей и чиновников руководствоваться «зелеными» мотивами. И наоборот, скутеры фирмы Segway пошли ко дну из-за того, что её руководители не уделили должного внимания социальной и культурной мобилизации их целевой аудитории.

Рыночные революционеры способствуют и одновременно ограничивают революционные бизнес-инновации на рынках, а потому представляют собой потенциальную возможность и угрозу для организаций. В своей книге автор призывает нас прекратить думать как бюрократы и начать размышлять как мятежники.

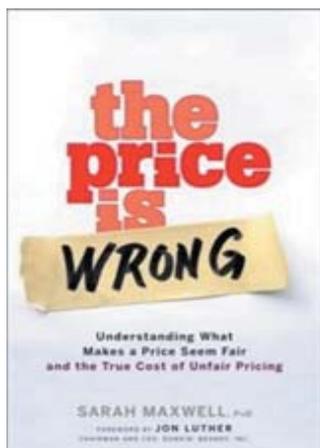
Сплочённость рыночных повстанцев возносит или потопляет революционные инновации на многих рынках, которые влияют на нашу повседневную жизнь. Мы водим машины, пьём пиво, посещаем рестораны, розничные магазины, покупаем лекарства и ценные бумаги — и все эти рынки оформляются социальными движениями.

Roberts R. 2008. *The Price of Everything: A Parable of Possibility and Prosperity*. Princeton: Princeton University Press.

Студент Стэндфордского университета, американец кубинского происхождения, талантливый теннисист Рамон Фернандез (Ramon Fernandez) выходит из себя из-за того, что расположенный поблизости мегамагазин взвинчивает цены в ночь, когда случается землетрясение. В ходе планирования студенческого протеста против вымогательских цен ритейлера, который также выступает основным донором университета, Рамон сталкивается с проректором и профессором экономики Руфь Либер (Ruth Lieber). Руфь начинает с ним разговор о ценах, благосостоянии, инновациях и их роли в нашей повседневной жизни. Руфь пытается предотвратить ущерб от возможных беспорядков, устроенных Рамоном? Или она действительно мыслит по-другому?

Поскольку Рамон впутывается в события национального масштаба, происходящие за пределами стэндфордского кампуса, его вынуждают пересмотреть всё то, что, ему казалось, он до сих пор знал. Что служит источником высокого стандарта жизни в Америке? Что движет предпринимателями и инновациями? Что поддерживает скрытый порядок, который позволяет нам выбирать карьеры и следовать нашим страстям, не боясь напороться на конфликты? Как возникает экономический порядок в условиях, когда никто за него не отвечает? Руфь даёт Рамону и читателям новый взгляд на то, как работает экономика, и какую роль играют цены в нашей повседневной жизни.

Maxwell S. 2008. *The Price is Wrong: Understanding What Makes a Price Seem Fair and the True Cost of Unfair Pricing*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Профессор Максвелл спрашивает: «Каким образом вы узнаете, что цена справедливая?» Максвелл полагает, что понятие справедливости находится исключительно в голове покупателя. Что же такое «справедливость»? Она может зависеть, например, от таких факторов, как местные традиции. Например, в Испании считается честным взимать плату за хлеб, который посетители не заказывали, а вот для американского посетителя платить за то, что он не заказывал, считается несправедливым.

В книге приводится обзор концепций, определений и результатов исследований, касающихся теории ценообразования. Также делается краткий экскурс в историю ценообразования, начиная с Аристотеля и подробного описания теории цен XIII в.

Moss L. S. 2008. *Perspectives on Gambling, Lotteries, Wagers, and Casinos (Economics and Sociology Thematic Issue)*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.

Книга состоит из набора профессионально выполненных эссе, каждое из которых посвящено азартным играм.

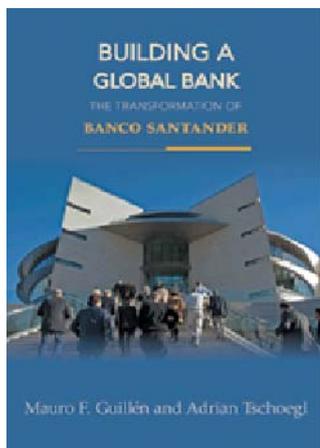
Фокусом первых двух эссе является связь достижений в развитии технологий и коммуникаций с расширением реальных практик азартных игр.

В следующем эссе раскрывается логика «двойного аукциона рынка азартных игр» (double-auction gambling market); показывается, как экспериментальные разработки в Университете Джорджа Мэйсона изменили роль букмекера, превратив его в простого брокера, отвечающего за координацию контрактов между спорщиками. Это преобразование особенно заметно в Великобритании, где онлайн-азартные игры разрешены законом.

Ещё три эссе повествуют о процветающей государственной лотерее (особенно в США). В первом наше внимание привлекается к скрытым издержкам, которые лотерея порождает. Во втором эссе приводятся эмпирические свидетельства того, что люди, которые играют в лотерею, — это не просто бедные, это бедные, которые находятся на грани нищеты. Так или иначе, лотерея символизирует билет в одну сторону, превращая его в билет «для отчаявшихся», нежели в билет для решивших поразвлечься.

Наконец, в двух заключительных работах выявляется связь между развитием казино и экономическим ростом.

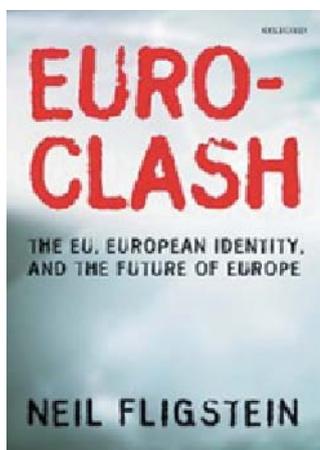
Международные связи и глобализация

Guillén M.F., Tschoegl A. 2008. *Building a Global Bank: The Transformation of Banco Santander*. Princeton: Princeton University Press.

В 2004 г. испанский банк Banco Santander купил британский банк Abbey National Bank. Эта сделка стоимостью в 15 млрд долл. США сделала Santander одним из 10 самых крупнейших финансовых учреждений в мире. В данной книге Мауро Гиллен (Mauro Guillén) и Андриан Щегл (Adrian Tschoegl) поднимают вопрос о том, как этот когда-то семейный, провинциальный банк в стране с развивающейся экономикой преобразовался в финансовую группу с более чем 66 млн клиентов на трёх континентах.

Основанный 150 лет назад в испанском портовом городе Сантандер, по имени которого он и был назван, банк сегодня является единственным в мире крупным финансовым учреждением, в котором три поколения одной семьи представляют топменеджмент и возглавляют Совет директоров. При этом Santander полностью соответствует духу нашего времени. Опираясь на богатые эмпирические данные и глубинные интервью с членами семьи и менеджерами, Гиллен и Щегл демонстрируют, как стратегические решения семьи и сложные политические, социальные, технические и экономические силы способствовали беспрецедентному превращению провинциального банка в ведущего мирового игрока.

Fligstein N. 2008. *Euroclash. The EU, European Identity, and the Future of Europe*. Oxford; New York: Oxford University Press.

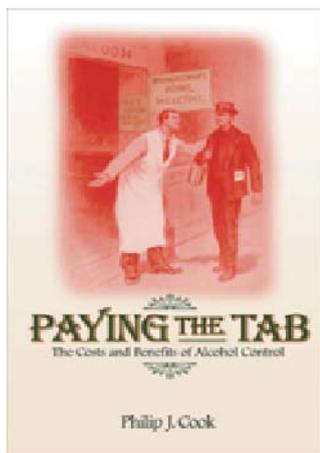
Проект рыночной интеграции Европейского союза кардинальным образом изменил экономическую деятельность в Европе: выросли объёмы торговли, были созданы новые рабочие места и реорганизован европейский бизнес. Однако изменения в хозяйстве сопровождаются кардинальными изменениями в моделях взаимодействия людей из разных обществ. В этой книге Нил Флигстин делает провокационное утверждение: эти изменения породили по-настоящему транснациональное европейское общество.

Автор исследует природу такого общества и его связь с конструируемой европейской идентичностью, попкультурой и политикой. Большинство политических конфликтов в регионе Европы разгораются между теми, кто вовлечён, и теми, кто не вовлечён в Европейское сообщество. Бизнесмены, менеджеры, высококвалифицированные специалисты, «белые воротнички», образованные люди и молодёжь — все они выиграли от европейской экономической интеграции. Эти категории людей, как правило, думают о себе как о европейцах. И наоборот, старшее поколение, бедные и менее образованные люди, «синие воротнички» выиграли гораздо меньше. Они рассматривают ЕС как вторжение в национальный суверенитет; они боятся того, что бизнес-ориентация ЕС разрушит национальные государства благосостояния. И выступают за национальную идентичность.

Однако существует третья группа людей, занимающая срединную позицию. Эти люди рассматривают ЕС преимущественно в позитивном ключе, и в основном считают себя европейцами. Но это колеблющиеся люди, которые критично относятся к будущему Европейского проекта. Если они выступят в

поддержку европейской интеграции, то политики последуют за ними. Но если они предпочтут, чтобы политики оставались приверженными своей нации, европейская интеграция будет блокирована.

Государство и хозяйство

Cook Ph. 2008. *Paying the Tab: The Costs and Benefits of Alcohol Control*. Princeton: Princeton University Press.

Алкоголь становится источником множества наслаждений, но и наносит огромный вред. В данной книге представлен всесторонний анализ этого противоречивого влияния. Автор призывает к расширению мер по сдерживанию деструктивного употребления алкоголя. В последние десятилетия предпринятые попытки сократить социальные издержки — сокращение употребления алкоголя среди молодёжи и принятие жёстких мер в отношении пьянства за рулем — были в целом эффективными, но, к сожалению, они не были доведены до конца. По мнению автора, американское правительство старательно игнорирует обширное влияние предложения на спрос и на общее равновесие.

Пиво и ликёры продаются по очень низким ценам; они слишком доступны населению, если сравнить сегодняшнюю ситуацию с ситуацией в 1950–1960-х годов.

В своём исследовании Филип Кук (Philip Cook) описывает историю попыток «возвести мораль в статус закона» (to legislate morality), демонстрирует упущенные уроки «сухого закона» и указывает на рост движения анонимных алкоголиков. Автор приводит множество научных доказательств, взятых из экономических исследований и исследований государственного здравоохранения, согласно которым повышение акцизных налогов и применение других ограничений оказываются эффективными, но недоиспользованными средствами, которые способны сократить злоупотребление алкоголем (при этом сохранив получаемое удовольствие от умеренного потребления). Алкоголь сегодня слишком дешёв, но он слишком дорого обходится всем нам.